

Учительская газета, - 1991, - 29 окт. - 5 ноября (№ 49), - с. 11.

Иннокентий СМОКТУНОВСКИЙ:**«Лики для нового мира...»**

— Иннокентий Михайлович, окончив школу, вы ощутили себя подготовленным к предстоящей жизни или скорее беспомощным!

— Тогда было военное время, большинство моих ровесников погибли на фронте. Я сам два года воевал. Это была еще одна школа — школа войны. И тех, кто вышел из нее, она закалила. Ощутить свою беспомощность мы не успели, и сейчас уже не найти точного ответа на ваш вопрос. Но я уверен, что школа должна быть в высшей степени серьезна, она должна готовить к жизни, причем не к простой жизни, а той, где должен выявляться характер, где необходим созидательный труд. Может быть, это избитая фраза — «прививать любовь к труду», но это действительно нужно. Любовь к труду ненасильственному, но повседневному...

— Для вас работа и труд не одно и то же!

— Наверное, эти понятия самостоятельны, но для меня они слитны. Мой актерский труд состоит из каждодневной работы: съемки, спектакли, встречи со зрителями и т. п. И все это работа не легкая, как кажется иногда с виду. Она требует самоотдачи и не терпит серости.

— Скажите, а школа для вас была временем потерянным или все-таки периодом приобретения!

— Нет, я, конечно, не могу сказать, что это было потерянное время. В конце концов, я научился читать, узнал какие-то элементарные формулы, почувствовал любовь к истории, которая стала для меня не просто сонмом отдельных эпизодов в биографиях разных стран, но единой летописью развития человечества, его психологии, особенно проявлявшейся в моменты различных войн и распрей. Так что зачеркнуть, отмахнуться от всего этого было бы неверно.

Другое дело — насколько больше смог бы я получить, будь у меня прекрасные учителя, которые сумели бы разглядеть мою настороженность к изучению многих предметов, мой испуг, мою подавленность

ежедневными посещениями школы, где всегда за что-то одергивают, требуют каких-то ответов. Если бы кто-нибудь из них почувствовал эту мою закомплексованность, постарался бы помочь. Но ничего этого не произошло. Я не увидел ничего сочувствия, никто не заразил меня желанием больше знать, и школа оставила во мне какой-то неприятный, серый оттенок...

Мне кажется, учителя должны быть человековедами. Они должны быть: Чеховыми, Пушкиными, Достоевскими... Я понимаю, конечно, что не в таких масштабах, но хоть в малой степени они должны быть ими...

— Как становятся педагогом, на ваш взгляд! Что для этого нужно!

— Я отвечу вам так: у моей дочери в школе была учительница, имевшая высшее педагогическое образование, но это было чудовище! Извините, мне трудно найти другой эпитет. Она могла позволить себе все — от вульгарного поведения на уроке до оскорбления ученика. Не могу забыть, как при встречах выпрашивала она какие-то подарки (за которые моей дочери, видимо, гарантировалась хорошая успеваемость) и многое другое, то есть человеческая, нравственная культура отсутствовали в ней полностью. Таких людей я увольнял бы сразу, их даже близко нельзя подпускать к детям.

И в той же школе был директор, который не являлся профессиональным педагогом. Лысый, скромный, небольшой на вид, но какой замечательный учитель! Каким прекрасным примером для подражания было его общение с учениками — ни тени высокомерия, никакого пренебрежения, никакой субординации по принципу «я стар, а ты еще молод...» Он запомнился мне как великий профессионал своего дела.

Я вообще считаю, что учителями должны быть все-таки мужчины. В них, как правило, присутствуют необходимые волевые качества.

— Да, но волевые качества

могут предстать в виде подавляющих начал...

— Понимаете, диктат это, как правило, спекуляция на понятиях и чувствах, это упоение властью. Дети доверчивы и беззащитны, для работы с ними требуется огромная самоотдача, диктатор сюда просто не пойдет. А во-вторых, он не сможет насладиться победой, удовлетвориться собственной силой, ребенок — не соперник взрослому человеку.

Учитель должен быть личностью. Личность — огромный, многообразный, одухотворенный мир. Она интересна, притягательна. Детям необходимы такие примеры.

Нам пора начинать созидать иной мир. Мир, основанный на добрых надеждах, на вере. Я сам очень уважительно отношусь к религии. Я рад, что, наконец, она начинает приходить и в образование. Этого не нужно бояться, это никакой не дурман, как нам внушали десятилетия, это прежде всего огромная самодисциплина, самоуважение, этические начала. Нужно постигать, стремиться к этому. Если мы поймем сие, я уверен, многое изменится к лучшему. А пока пожинаем плоды нашей недавней истории. Это проявляется везде — и в школе, и в искусстве. В театр пришла ныне масса бесцельного люда. Катастрофическая нехватка духа, а театр без этого мертв. Ему нужны личности, лица, лики... И то же самое, думаю, нужно учителям.

— Иннокентий Михайлович, а должен ли учитель быть романтиком!

— А вы возьмите любого великого педагога — и он был им. Романтик это же всегда яркий индивидуум. Всходы знаний, которые он сеет в своих учениках, будут удивительны, они будут разнообразны, персонализированы. Его выпускники вырастут свободными людьми...

Беседу вел
М. МИХАЙЛОВ.